

УЖИН В ГОРОДЕ МИЛЛИОНЕРОВ

ЕКАТЕРИНА БАРСОВА

Екатерина Гринева

Ужин в городе миллионеров

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=318642

Верный рыцарь, или Ужин в городе миллионеров: Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-699-38800-4

Аннотация

После гибели мужа Олега в автокатастрофе Ника приняла роковое решение уйти вслед за ним. Она уже была готова сделать последний шаг с моста в реку... Спасло ее знакомство с журналистом Максом. Ника вспомнила: перед аварией Олегу позвонили с угрозами, но тогда она не обратила на это внимания... Муж работал директором частной клиники, которой владел олигарх Керкозов, и ему, судя по всему, есть что скрывать. Не он ли заказал Олега? Горя желанием узнать правду, Ника с помощью Макса отправилась на поиски Керкозова в Канны. Журналист вызывал у нее совсем не дружеские чувства, однако она не хотела предавать память мужа. Сначала надо отомстить...

Екатерина Гринева

Ужин в городе

миллионеров

В эту ночь я решила умереть. Мое решение не было спонтанной вспышкой или сиюминутным капризом – нет. Это было хорошо обдуманное и спланированное решение.

Дело в том, что мне просто не хотелось жить. Вот уже в течение четырех месяцев я просыпалась, открывала глаза и смотрела в потолок, думая, что мне предстоит еще один день. Непонятно зачем и почему.

Четыре месяца назад я похоронила своего горячо любимого мужа, и смысл моей жизни был окончательно и бесповоротно утерян. Мы с ним попали в автокатастрофу, только мне почему-то повезло намного больше, чем ему. Я осталась жива, а он – нет.

Я надеялась до самого последнего. Когда приехала «Скорая» и Олега увезли в реанимацию, я цеплялась за этот факт, как утопающий за соломинку. Мне казалось, что это – хороший знак. Там он придет в себя, очнется, какое-то время полежит в больнице, потом выйдет, и все пойдет по-старому. Только ездить по ночному шоссе мы не будем еще долгое время. Мы возьмем отпуск и уедем недельки на две куда-нибудь далеко-далеко. Может быть, на экзотические ост-

рова. Снимем бунгало и будем наслаждаться покоем и друг другом. Олег, конечно, скажет: ну ты меня и упекла на край земли. Ты же знаешь, я терпеть не могу пляжное безделье.

Но я ему скажу, что один-единственный раз можно и потерпеть. Особенно когда смерть чуть не забрала нас к себе. И только в последний момент передумала.

Все эти мысли мелькали у меня в голове, когда я ехала вместе с медиками и смотрела на лицо Олега. Посередине лба сияла огромная царапина, глаза закрыты. Двое медиков, мужчина и женщина, смотрели на меня и тихо переговаривались между собой, но слов я разобрать не могла, как ни старалась.

Я сидела, ссутулившись, в рваном платье и с ободранными руками. Косточка на щиколотке ныла и болела, наверное, я ушибла ее, когда выбиралась из машины. Но сейчас это не имело для меня никакого значения. Главным было, что с Олегом. Стоило мне закрыть глаза, и в памяти вставал ослепительный взрыв и дальнейшее беспмятство. А потом как пришла в себя – на обочине дороги. Я лежала на животе; все болело, во рту было сухо, и горький неприятный привкус обволакивал небо. Мир качался передо мной, теряя очертания, и я изо всех сил старалась приподняться на негнущихся руках и ногах.

Кое-как встав на четвереньки, поползла к дороге и сразу увидела нашу машину, перевернутую, с раскрытыми дверцами.

– Олег! – прохрипела я. – Олег! – Но никто не отзывался.

Я встала и пошла, пошатываясь, вперед. Эта машина, зиявшая чернотой, пугала меня и одновременно притягивала. Я дошла до нее и заглянула внутрь:

– Олег!

Он сидел за рулем, уронив на него голову.

Я тряханула его за плечо. Голова свесилась набок, и по моей руке потекло что-то липкое. Я поднесла пальцы к глазам. Кровь!

– Боже! – Я замотала головой. – Боже! Только не это. – Я выбежала на дорогу и принялась отчаянно махать руками, в надежде, что кто-то остановится. Меня тошнило, голова кружилась, но я старалась удержаться на ногах, потому что понимала: если я сейчас упаду и потеряю сознание – Олегу уже никто не поможет.

Около меня остановился черный «Порше», за рулем которого сидел молодой парень в черной кожаной куртке. Рядом с ним расположился его приятель – постарше и поплотнее, с черными пышными усами и буйной шевелюрой на голове, одетый в коричневую болонью.

– Чего, цыпочка? – окинул меня насмешливым взглядом парень за рулем. – Хахаль обобрал? Или ты подралась с ним?

– Там... – Я махнула рукой в сторону машины. – Мой муж. За рулем. Помогите. Мы попали в аварию.

– Серый! – присвистнул второй. – Похоже, тачка попала в крутую передрагу. Посмотри, что с ней. Блин! Я такое ни-

когда в жизни не видел. Полный абзац!

– Дайте мобильный, – прохрипела я, – мне нужно позвонить в «Скорую». Срочно.

– Подожди, – сказал Сергей, выходя из машины. – Иди сюда. В салон. Так тебе будет удобнее.

Я покачала головой.

– Нет. Время...

Я хотела сказать, что не могу терять ни минуты, ни секунды – мне дорого время. Но похоже, что Сергей меня понял. Он достал из кармана джинсов сотовый и протянул мне. Внимательно посмотрев на меня, он спросил:

– Набрать-то сможешь?

– Смогу... – прошептала я уже одними губами. – Смо... – и потеряла сознание.

И вот теперь я сидела в «Скорой» и жадно всматривалась в лица врачей, пытаюсь понять, на что мне надеяться. Как я поняла – Олег был еще жив, и эти слова я упрямо повторяла про себя: жив, жив, жив. Я твердила их как заклинание и верила в то, что, пока я буду верить в это, с Олегом ничего не произойдет.

Время от времени я бросала взгляды то на врачей, то на Олега, лежавшего на кушетке. Наконец я решилась спросить, как он, но женщина, сидевшая рядом, сдвинула брови и покачала головой.

Я подавила вздох. Неизвестность разрывала мне сердце.

Мы приехали в больницу, и я осталась сидеть в коридоре, а его увезли в реанимацию. Я сидела и смотрела прямо перед собой – на светлые стены. В эту минуту я давала Господу Богу невысказанные обещания – только бы он оставил в живых моего мужа. Мне почему-то казалось, что если сейчас я заключу с высшими силами некое соглашение, то Олег останется жить и смерть не заберет его от меня.

Я не знала слов молитв, но они сами выплыли откуда-то из глубин памяти, и я беззвучно шептала их, закрыв глаза, словно впад в некий транс, из которого не хотела выходить.

Неожиданно меня кто-то тронул за плечо, и я подняла голову.

Напротив стоял бородатый мужчина в белом халате и смотрел на меня. А я – на него. Пауза длилась целую вечность, но, к сожалению, я прочитала в его глазах ответ на свой вопрос раньше, чем он заговорил. Мне стало трудно дышать, как будто бы моя грудная клетка попала под мощный пресс.

– Очень сожалею, но ваш муж умер.

Слова не доходили до меня.

– Да. – Я поднялась со скамьи. – Спасибо.

– Вы куда?

– Домой.

– Вам лучше остаться здесь до утра. Сейчас вам сделают укол...

– Не надо. Я хочу домой...

– Вам лучше...

– Нет! Нет! НЕТ! НЕТ! НЕЕЕТ!

Дальнейшее я не помню. Я только помню, как утром меня выписали из больницы и я поехала домой. Там я рухнула на кровать и проспала целые сутки. Все организационные вопросы, связанные с похоронами Олега, взяла на себя медицинская клиника, которую он возглавлял. Я бы не смогла это сделать по одной-единственной причине – мой разум напрочь отказывался верить в смерть Олега. Какая-то часть мозга блокировала информацию о том, что Олег мертв. Дома я постоянно прислушивалась к звонку в дверь: мне казалось, что вот-вот он позвонит, я вскочу с дивана и побегу открывать дверь. При этом смешные тапочки с болтающимися пушистыми кисточками слетят с меня, и я открою Олегу дверь босиком. Но это все неважно. Потому что, когда Олег приходил, внутри меня растекалась улыбка. И я себя чувствовала самой счастливой женщиной в мире. Муж любил, когда я встречала его после работы. И я старалась к его приходу всегда быть дома.

Сами похороны прошли мимо меня, как в тумане. Я была напичкана лекарствами, несмотря на это, голова тупо болела и стреляло в висках.

Сотрудники клиники – заместитель Олега Дмитрий Дмитриевич, с которым он дружил, секретарша Танечка – поддерживали меня как могли, говорили утешительные слова:

я должна держаться, Олега уже не вернешь, как это ни при-
скорбно, мне нужно жить дальше, все запомнят Олега моло-
дым, успешным и талантливым...

Эти успокаивающие слова производили обратный эф-
фект. От них мне становилось еще хуже. Больше всего на
свете мне хотелось просто тишины, чтобы все заткнулись и
ничего не говорили. Но сказать так я не могла...

После похорон, когда я приехала домой, то сразу пошла в
ванную. Мне хотелось смыть с себя этот ужасный день: речи
сотрудников, пасмурную погоду с накрапывающим дожди-
ком, яркие венки с искусственными цветами, так резко кон-
трастировавшие с моим состоянием и настроением... весь
этот липкий кошмар, от которого, конечно, мне не было ни-
какого избавления...

И здесь меня как будто бы ударило током и прорвало. Я
без остановок несколько часов подряд проревела, скрючив-
шись в ванной в углу, и прохладная вода из невыключенного
душа лилась на меня, скользя по телу и волосам.

И вот тогда-то у меня и мелькнула мысль – уйти из жизни.
У меня не было ни родных, ни детей. Олег был для меня всей
жизнью – я просто не представляла, как я буду жить без него.
Да и зачем...

Последующие дни, которые потянулись один за другим –
серые, тошнотворные, – только еще больше укрепляли меня
в этой мысли. Я просыпалась утром, какое-то время валялась
в постели, потом вставала и включала телевизор на полную

громкость. Этот звук был единственной реальностью в моей квартире, и он как бы доказывал, что я еще существую – раз способна хотя бы и мельком смотреть и слушать.

Телевизор работал до самого вечера. Мне он не мешал. Да и чему он мог мешать, если большую часть времени я просто сидела и смотрела перед собой, уставившись в одну точку. Мощной волной меня накрывал поток воспоминаний, из которых я не могла выбраться. Даже то, что казалось уже давно и бесповоротно забытым, теперь напомнило о себе. Милые пустячки из той жизни, которая для меня закончилась. Окончательно и бесповоротно.

И вот тогда в один день я решила – пора! Мне незачем больше жить и поэтому логично поставить большую жирную точку. Родных у меня, как я уже сказала, не было; мать умерла несколько лет назад. Дети обзавестись мы не успели. Хотели немного пожить для себя. Поэтому я отвечала за свою жизнь только перед самой собой. И я приняла решение. Завтра вечером я уйду из жизни. Как только эта мысль укрепилась во мне, как ни странно, мне стало легче. Будто бы моя никчемная и никому отныне не нужная жизнь обрела свой последний смысл. Я встала с кровати – было около шести вечера – и посмотрела в окно. Стояло лето. Конец июня. Многие уехали на дачи и в отпуска. Двор был почти пустынным. Только на лавочке сидели две старушки да какой-то мужик загружал вещи в багажник своей тачки.

Я подумала, что смерть тоже надо выбрать правильно,

чтобы не доставить никому хлопот. Самоубийство в квартире я отмела сразу. Да я и не знала, как это сделать. Пистолета у меня не было, резать себя ножом вряд ли получится. Наглотаться таблеток?

Все не подходило. И вдруг я подумала, что самый легкий и безболезненный вариант – просто утопиться. Разом оборвать все свои проблемы... Легко и красиво. Искать меня сразу не станут. Вопрос – где? Если я упаду с моста в Москву-реку, меня наверняка увидят: Москва – ночной город, где жизнь не затихает никогда, и поэтому есть шанс, что меня вытащат, спасут. И тогда мой план пойдет насмарку. Нужно было придумать что-то другое.

Я пошла на кухню и заварила кофе. Мой любимый крепкий кофе. Я достала пачку сигарет – курить я стала только после гибели Олега – и закурила. Мне нужна была тихая речка, около которой не будет никаких людей... и эта речка должна быть не в Москве.

И здесь меня осенило. Я могла поехать на родину Олега – маленький городок на Оке; ехать недалеко. Я несколько раз просила его свозить меня туда, но все как-то не хватало времени.

Он был весь в работе – молодой, талантливый успешный. Энергия била в нем через край. Олег часто ездил в командировки, обменивался опытом с коллегами из других городов. Хотел все сделать, все успеть. Теперь у него времени навалом... Я сглотнула: в горле стоял комок.

Итак, решено. Я еду туда. Я посмотрела на часы. Я могу еще успеть на электричку, если через полчаса выйду из дома. Моя машина находилась в ремонте – в семье у нас было два автомобиля, – поэтому придется ехать железнодорожным транспортом. Так даже лучше. До вокзала мне ехать час или больше. До города часа два с лишним. Вот я как раз и приеду к вечеру. После десяти.

Я докурила сигареты и поднялась с табуретки. В комнате открыла шкаф-купе и посмотрела на себя в зеркало. Это было все равно что мое последнее свидание с Олегом. И я должна красиво одеться на это свидание.

Скинув халат, я осмотрела себя. Высокая. Прелестная точеная фигурка. Роскошные русые волосы. Я не была худой, но и лишние килограммы на мне тоже не висели. Олег любил, когда по выходным я просыпалась раньше его, вскакивала с кровати и, накинув халат, неслась в кухню – сварить кофе и приготовить бутерброды. «Завтрак в постель, – любил шутить Олег, – моя привилегия выходного дня».

Я приходила к нему с подносом, он брал его из моих рук и тихонько тянул меня за пояс халата. Я снова ныряла в постель. Мы завтракали, потом он ставил поднос на пол и поворачивался ко мне. Его руки, пахнувшие хорошим парфюмом, темные волосы, карие глаза и улыбка – широкая, от души – заставляли меня сразу забыть обо всем. И хотя мы были женаты уже четыре года, мое сердце все так же начинало сильнее биться при одном его взгляде, как и после свадьбы.

Он утыкался носом в мои волосы и целовал меня, в то время как мое тело уже плавилось от прикосновений его рук, и сухой легкой жар разливался по нему...

Но этого уже не будет. Никогда. В этот момент у меня не было ни слез, ни горечи, было сознание неизбежного. Я кончу со всем разом и обязательно встречу с Олегом ТАМ. В этом я не сомневалась.

Я выбрала свой самый красивый комплект нижнего белья. Черно-белый, воздушный, как паутинка. Потом я надеваю красное платье – Олег его очень любил. Это платье мы выбрали вместе с ним в одном магазине, куда зашли купить Олегу костюм. Но он остановился у манекена, одетого в сногсшибательное красное платье чистейшего алого оттенка, без примесей, и сказал:

– Я хочу купить тебе такое. На тебе оно будет смотреться еще лучше. – Он наклонился ко мне и шепнул: – У манекена нет такой красивой груди, как у тебя.

Я тихонько рассмеялась и переплела свои пальцы с пальцами Олега.

– Если оно есть в продаже.

– Снимем с манекена.

Платье действительно сняли с манекена. Оно было последним. И по удачному стечению обстоятельств – моего размера. Только на манекене оно провисало в некоторых местах, а меня – обтягивало, выигрышно подчеркивая фигуру.

И на свое последнее в жизни свидание с любимым мужем

я пойду именно в этом платье.

Я сняла его с вешалки и надела. За это время я похудела, но все равно платье сидело красиво, соблазнительно очерчивая изгибы моего тела. Я провела рукой по бедру, как это любил делать Олег, и, улыбнувшись, закрыла глаза. В эту минуту я поняла, что по-прежнему люблю его так сильно, как и при жизни. Мертвый он или живой – я не могу без него...

Одевшись, я посмотрела на часы. У меня было в запасе еще время. И значит – еще одна чашка кофе и еще одна сигарета. Мои последние земные радости.

Вода из крана капала – я не успела вызвать сантехника, чтобы он починил его. Но теперь – не все ли равно?

В коридоре я расчесала волосы, слегка подкрасила ресницы и провела по губам прозрачно-розовым блеском. Теперь я была в полном порядке и могла ехать. Я взяла маленькую сумочку, куда положила деньги на билет и еще на воду, если мне в дороге захочется пить. Что делать с ключами, я не знала. Захлопнуть дверь я не могла – замок нужно было обязательно закрыть. После некоторых раздумий решила отдать ключи соседке. Тамара Петровна окинула меня любопытным взглядом, но ничего не сказала и взяла ключи.

– Когда вернетесь, тогда и возьмете. Я почти всегда дома и никуда не выхожу. Разве только что в магазин.

В электричке я нашла вагон, где народу было меньше, и села у окна. За окном пролетал пейзаж: зеленые деревья и раскидистые кусты вдоль насыпи. Часто попадались одно-

этажные домики с маленькими огородами. Во дворе одного из домов я увидела девочку, игравшую с собакой. Она кидала ей мячик, и собака бежала за ним, резко срываясь с места. Там была своя жизнь, до которой мне не было никакого дела.

Напротив меня сели, и я услышала мужской голос:

– Сигаретки не найдется?

Так и есть! Я боялась того, что ко мне будут приставать в электричке, и то, чего я боялась, кажется, стало сбываться.

Я открыла глаза. Мужичок лет пятидесяти – небольшого роста, в линялых джинсах и застиранной футболке, небритый и нечесаный – смотрел на меня, не отрываясь.

– Сигарет нет.

– Почему?

– Потому что нет, – спокойно ответила я.

В ответ раздалось хмыканье.

– Куда едешь-то?

– Куда надо.

– Не хочешь разговаривать? – В голосе мужичка послышалась неподдельная обида, смешанная с раздражением. Похоже, он удивился, что я не расточаю ему улыбок и не флиртую напропалую.

Где-то я прочитала, что только в России лысый пузатый дядечка пятидесяти лет с гаком чувствует себя завидным женихом. Таковы суровые реалии российского менталитета. Мужики у нас всегда нарасхват, и это понимание из них ничем не вышибешь. Похоже, что передо мной именно такой

случай...

Я демонстративно встала и покинула вагон. Мне казалось, что я спиной ощущаю, как меня бурят взглядом. В тамбуре стояли двое пацанов, смоливших сигаретку. Они окинули меня насмешливым взглядом и отвернулись. Слава богу, хоть не пристали!

В следующем вагоне народу было побольше. Я шла и чувствовала на себе взгляды людей: неприязненные, злые, раздраженные. Я была для них яркой непонятной птицей, случайно залетевшей в их курятник.

Наконец, в самом последнем вагоне я приткнулась с краю скамейки и закрыла глаза, не желая никого видеть.

В город я приехала около одиннадцати. Я стояла на перроне одна, и мимо меня сновали люди с корзинками, сумками на тележках и большими яркими пакетами. Пожилые женщины в ярких цветастых блузках и белых панамках, девушки в мини-юбках на высоких каблучках, молодые ребята, идущие стайками по двое-трое, – вся эта толпа постепенно схлынула с перрона, и я осталась одна.

Я не знала, куда идти и в каком направлении находится река. Я пошла прямо, наугад, и, сойдя по выщербленным тротуарным ступенькам на привокзальную площадь, поинтересовалась у мужика в черной кепке, который сидел на траве и пил пиво:

– Как пройти к реке?

Он осмотрел меня с головы до ног, сплюнул на землю и

просипел прокуренным голосом:

– Прямо, потом по дороге – направо. Там спросите.

Я поблагодарила его и пошла по указанному пути. В городе только что прошел дождь. Мокрый асфальт с неглубокими лужами, влажная трава и прохладный, душистый воздух, сбрызнутый звонким летним дождиком. По обе стороны тянулись одноэтажные деревянные дома с невысокими дощатыми заборами, за которыми колыхались золотые шары и мальвы. Перед калитками вжимались в землю маленькие скамеечки под раскидистыми большими березами. Я вдохнула воздух полной грудью: он был упоительно хорош. Чистый, пахнувший свежестью и цветами.

Я шла по дороге и думала, что по странному стечению судьбы и обстоятельств я никогда не была в этом городе с Олегом. А ведь он здесь вырос.

Если бы он свозил меня сюда, то, может быть, я уговорила бы его купить здесь дом, вот такой вот, мимо которого я проходила – ярко-синий с белыми резными наличниками, с мальвами и раскидистыми кустами сирени в палисаднике. Мы хотели купить дачу, но все откладывали эту покупку на потом, но если бы мы побывали в этом городе, то я бы захотела проводить лето здесь.

Я повернула направо и, пройдя несколько метров, остановилась. Ни одного человека в пределах видимости, спросить дальнейшую дорогу не у кого. Посмотрев по сторонам, я увидела на скамеечке парочку, самозабвенно целующуюся

и не замечающую ничего вокруг. Я кашлянула.

– Простите! Где здесь река?

Девчонка оторвалась от парня и посмотрела на меня ошалело-счастливыми глазами, какие бывают только в пору отчаянной всепоглощающей влюбленности. У меня у самой когда-то были такие глаза...

– Что?

– Как пройти к реке?

Она засмеялась тонким воркующим смехом и махнула вперед рукой:

– Идите так, потом за крайним домом повернете и все время прямо.

– Долго идти?

Но она меня уже не слышала, продолжив прерванное занятие.

Реку я почувствовала прежде, чем увидела. Запах свежей воды и чьи-то звенящие голоса. Не повезло, подумала я. Здесь народ, а для меня это совсем некстати. Придется искать укромное место. Я спустилась к реке: темная заворачивающая вода, извилистые берега и около берегов заводи с желтыми кувшинками, светящиеся в уже сгущающейся темноте.

Я пошла вдоль берега. Через десять минут мне удалось найти тихое место, где меня никто не мог увидеть, – между двумя большими раскидистыми кустами. Я села на берег и принялась ждать полной темноты. Еще прежде я заметила

недалеко от того места, где я теперь сидела, небольшой мостик. Мне показалось, что это будет очень удобно – нырнуть прямо с мостика в реку и больше уже не всплыть.

Я сидела и смотрела на воду отрешенно-спокойно. Никаких мыслей или сожалений у меня не было. Одна только звенящая пустота внутри и еще нетерпение – скорей бы уж!

Стемнело быстро и незаметно. Из темной вода стала непроницаемо-черной, кувшинки слабо, едва-едва светлели, становилось зябко, и я встала с земли. Пора!

Вокруг никого не было. Ни голосов, ни смеха. Меня обступала полная тишина, и я отчетливо слышала свои шаги по земле. В одном месте я чуть не поскользнулась и, взмахнув руками, с трудом удержалась на ногах. Несколько секунд я стояла и прислушивалась к бешеному биению собственного сердца, потом пригладила волосы и направилась к мостику, красиво выгнувшемуся арочной дугой над речкой.

Мостик был довольно ветхим. Я поняла это, как только ступила на него. Деревянное основание скрипело под моими туфлями, и я старалась ступать как можно бесшумней. Мне не хотелось, чтобы меня услышали. Темнота вокруг стояла кромешная. Я положила руки на шероховатые перила и посмотрела вниз. Я не имела понятия о том, насколько здесь глубоко, но надеялась, что достаточно. Я бросила сумку на землю около мостика. Потом, оглянувшись, словно кто-то наблюдал за мной, я села на перила и резко развернулась лицом к реке. Я хотела уйти под воду как можно тише, но от

резкого движения мои руки соскользнули с перил, и я упала в реку с шумом, подняв целое облако брызг. Я стремительно шла ко дну. Первое движение было – барахтаться, рвануть и выплыть на поверхность. Но я дала себе команду – не шевелиться... не дергаться, не делать никаких движений. Просто спокойно идти вниз, в глубину. Вода заливала мне рот, уши, липкая влага залепляла лицо... Я сделала судорожный вздох-всхлипыванье, как вдруг неожиданно почувствовала, что меня вытаскивают из воды за шкурку, как котенка. Я пыталась сопротивляться, но от шока и потрясения мои руки и ноги стали как ватные, и я не смогла ими даже пошевелить. Рывком меня вытащили на берег и приложили ухо к груди. Я услышала слабое бормотанье:

– Ч-черт! Неужели мертва?

Потом мне растирали руки и ноги, пытались сделать искусственное дыхание, пока я не всхлипнула и не открыла глаза.

– Слава богу! – услышала я насмешливый голос. – Очнулись, барышня! А то я уже страху с вами натерпелся. Думал, труп у меня на руках образовался.

– Я... не барышня.

– Ну конечно, мамзель! – раздался все тот же насмешливый голос.

– Пошел ты!.. – Я не чувствовала ничего. Ни радости, ни облегчения. Это нежданное спасение было всего лишь легкой передышкой, случайно образовавшейся паузой. Но я

знала, что пройдет несколько минут, и та старая острая боль вернется снова. И никуда от нее не деться, хоть ты тресни. И сейчас я ощущала к своему спасителю чувство, похожее на ненависть. Никто не просил его спасти меня. Если бы не он, то все мои страдания и мучения прекратились бы в один момент – и я бы ничего не чувствовала. Ничего. – Зачем ты меня вытащил? – простонала я. – Зачем?

– Вот те на! – развел мужчина руками. – Получается, что герою даже награда не положена? Да что с вами, девушка, творится, в самом деле, можно мне полюбопытствовать?

– Нельзя! – отрезала я. – Лучше помогите подняться!

Опираясь на руку мужчины, я поднялась. Голова у меня закружилась, и я пошатнулась.

– Э...э... Да вы совсем плохи, и никуда я вас не отпущу. Даже не надейтесь, – сказал он, вовремя подхватив меня на руки – я была готова упасть на землю.

Мой спаситель донес меня до машины и уложил на заднее сиденье.

– Удобно?

– Ничего, – хмуро бросила я. – Там около моста валяется моя сумка. Будьте добры, принесите ее мне.

Он вернулся через пару минут с сумкой в руке.

– Держите. Сейчас я домчу вас до дома. Там вы полежите и успокоитесь.

Я промолчала. Я вдруг подумала, что мне и правда надо успокоиться. Ну... вышла у меня осечка. Значит, получит-

ся в другой раз. Мне просто придется отложить свои планы на некоторое время. Только и всего. Но свой замысел я обязательно воплещу в жизнь. И никто, никто не сможет мне помешать. Даже этот мужчина, оказавшийся на мосту так некстати.

Теперь я его разглядела. Это был молодой парень. Не старше тридцати. Худощавый, со светлыми коротко стриженными волосами и курносый носом, отчего его лицо казалось каким-то мальчишеским, пацанским. Он ехал быстро. В городе было темно: кое-где фонари не горели, и поэтому приходилось рулить в темноте, но машину мой спутник вел уверенно, ориентируясь на местности и без света. Судя по всему, знал он этот паршивый городишко неплохо...

Я закрыла глаза и задремала. Я пребывала в таком оцепенении, что не замечала даже своего насквозь промокшего платья. Я действительно находилась в пограничном состоянии.

Очнулась я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидела склонившегося надо мной паренька.

– Приехали! Идти можешь или как? Конечно – или как, – сказал он, снова подхватывая меня на руки. – Потерпи немного, сейчас уже придем.

Что-то в его тоне было от отца, уговаривающего свою маленькую дочь не глупить и быть благоразумной девочкой. Я стиснула зубы.

Мы дошли до подъезда. Он, изловчившись, набрал код и потянул дверь на себя.

Вместе со мной он поднялся на второй этаж и вздохнул.

– Придется тебе немного постоять. Я не могу вытащить ключ из кармана.

Он поставил меня на ноги, прислонив к двери. Пошарив рукой в кармане джинсов, он вытащил связку ключей и вставил один из них в замок.

– Вот мы и дома.

Поскольку я стояла с безучастным видом, он взял мою руку и легонько потряс ее.

– Эй! Проходи! Только не стой как полоумная и не тарашь глаза. Все уже позади.

Спустя пару минут я уже сидела на маленькой, но очень уютной кухне с большим цветком герани на окне. Мой спаситель ставил чайник на плиту и временами посматривал на меня.

– Слушай! Пока вода не вскипит, я бы советовал тебе пойти и переодеться во что-то сухое. Это квартира моей бабки, так что здесь вряд ли есть вещи твоего размера, но что-то подходящее найти можно. Сиди! Я сейчас найду.

Вскоре, насвистывая, мужчина вырос передо мной с байковым халатом в руках. По-моему, такие носили в больницах. Синий халат в белый горошек.

– Вот! Иди в ванную и переоденься. Или я уйду, а ты оставайся здесь. Выбирай: первое или второе.

Ни слова не говоря, я встала и ушла в ванную. Там я стянула с себя мокрое платье, которое уже немного высохло, и

надела халат. Он пах нафталином и еще лекарствами. Халат был мне, с одной стороны, велик, а с другой – короток. Очевидно, его хозяйка была маленькой и полной. Одна из пуговиц оторвалась и упала на пол. Я подошла ближе к зеркалу, висевшему над ванной, и посмотрела на себя. Мои глаза горели лихорадочным блеском, спутанные волосы падали на плечи небрежными прядями, около рта залегла складка, и я потрогала ее руками, словно желая разгладить. Я даже не смогла довершить до конца дело, которое задумала, – неудачница, просто неудачница!

Я передернула плечами и пригладила руками волосы. Что ж! Я рано или поздно доведу его до конца. Рано или поздно...

Когда я вышла из ванной, на столе уже стояли две чашки и стеклянная сахарница.

– Я даже не спросил: чай или кофе?

– Мне все равно, – перебила я его.

– Тогда кофе – за компанию. Сам я привык пить кофе. А сколько ложек сахара положить вам?

– Сколько хотите.

Его брови взлетели вверх. Он хотел что-то сказать, но сдержался.

– Может, все-таки познакомимся по-человечески. Меня зовут Ярослав.

– Вероника, – тихо сказала я, уткнувшись в чашку.

– Очень приятно. Хотя обстоятельства, при которых мы с

вами познакомились, совсем не приятные.

При этих словах я вся сжалась в комок.

Ярослав внимательно посмотрел на меня и бросил:

– Извините. Я немного не в тему.

– Послушайте, – перебила я его, – не надо думать, что я душевно больная или нервическая барышня, сиганувшая в реку из-за несчастной любви или от того, что ее бросили. Все не так. Но это мое личное дело, подробности которого я совершенно не обязана вам рассказывать. Мне совершенно все равно, что вы обо мне подумаете. Я не просила вас спасти меня, да мне это и не надо. Это – мое решение, и вы здесь абсолютно ни при чем. Вас угораздило оказаться в ненужное время в ненужном месте. Вот и все. А сейчас я буду рада, если вы оставите меня в покое.

– Вот как! – Ярослав присвистнул.

– И прекратите свистеть. Это действует на нервы. Особенно сейчас. – Я отодвинула чашку с кофе. – Я хочу спать. Где я могу лечь?

– В комнате. Здесь только одна комнате. Я лягу в коридоре. Так что не волнуйтесь.

Я кивнула и, поднявшись с табуретки, направилась в комнату. Ярослав включил ночник, и я без сил рухнула на кровать. Мне хотелось поскорее забыться и уснуть.

Проснулась я от света, бывшего прямо в глаза. Я натянула на голову одеяло, а потом вскочила как ошпаренная. Я не сразу сообразила, что делаю в незнакомой квартире. Посте-

ленно события вчерашнего дня всплыли в моей памяти. Я прислушалась. Никаких звуков в квартире не было. Похоже, я находилась в ней одна.

Я встала и прошла на кухню. На столе лежала записка: «Скоро буду. Ушел по делам. Ярослав». И больше ничего. Я повертела записку в руках и положила ее обратно на стол. Теперь мне было ясно, что делать. Пока не пришел мой вчерашний спаситель, мне нужно срочно уходить отсюда.

Мое платье высохло и лежало на стуле. Я натянула его на себя, взяла сумочку, лежавшую рядом, и раскрыла ее. Все на месте. Порядочный молодой человек: не сунул свой нос в чужую вещь, как это сделали бы на его месте другие.

Я подумала, что пройдет время, и он будет вспоминать меня – смутное яркое пятно в его жизни. Красивая молодая девушка бросается ночью с моста, а он как благородный герой спасает ее и приводит домой. Точка. Финал.

Раздались какие-то звуки, словно кто-то открывал ключом дверь. Неужели он пришел? Я прислушалась. Нет, мне показалось. Но медлить больше нельзя.

Я вышла из квартиры и закрыла за собой дверь. Еще хорошо, что замок не надо закрывать ключом. А то мое дурацкое чувство ответственности заставило бы меня дожидаться возвращения хозяина, чтобы не оставлять дверь в квартиру открытой.

Спустившись по лестнице, я открыла тугую дверь подъезда и вышла на улицу. Во дворе никого не было, кроме двух

мальчишек, возившихся с велосипедом. При моем появлении они, словно по команде, уставились на меня, раскрыв рты. Я усмехнулась: что ж, не каждый день во дворе ветхой пятиэтажки маленького провинциального городка возникает молодая девушка, словно сошедшая с обложки журнала. Да еще в ярко-красном платье.

Я замедлила шаг и, улыбнувшись, помахала ребятам рукой. Во дворе росли большие малиновые мальвы, какие росли у нас на даче в далеком детстве. Олег ничего не рассказывал мне о своем городе. Но я представила, как он носился по этим сонным улочкам на велосипеде и купался в реке.

Машинально я посмотрела на часы. До вечера еще далеко, а мне надо как-то убить время. И в эту минуту я ощутила, что голодна. Но денег на еду у меня все равно не было. Я не брала с собой много денег. Пошарив в сумочке, я нашла пятьдесят рублей и подумала, что на кофе мне хватит. Осталось найти кафе и расположиться там.

Я шла по улице, не обращая внимания на взгляды. Мне было, честно, на все плевать. Я уже распростилась с этой жизнью, и мне осталось провести здесь всего лишь несколько часов, прежде чем я повторю свою вчерашнюю попытку. И в этот раз я постараюсь все предусмотреть.

Через несколько минут я вышла к реке, и мне сразу в глаза бросилось открытое кафе с названием «Капелька». Дощатая веранда и в глубине бар, за которым стояла деваха с сонным выражением лица. Впрочем, при моем появлении сон

с ее лица слетел, и она уставилась на меня с неподдельным любопытством.

Я подошла к стойке.

– Где у вас меню?

Молча она сунула мне меню и снова уставилась на меня.

Я чувствовала себя клоуном на арене цирка.

– Мне, пожалуйста, один кофе. Черный и без сахара.

– Садитесь. Вам принесут.

Я огляделась. Все столики были свободны, кроме одного.

Я села за тот, расположение которого позволяло видеть реку, и, откинув рукой назад волосы, посмотрела на противоположный берег. Там расположилась какая-то компания молодых людей, и до меня доносились веселые возгласы, смех и крики. Я поморщилась. Всякое веселье было для меня как нож по сердцу. Слишком большой контраст с моим теперешним настроением.

– Позвольте угостить вас пивом, – раздалось рядом.

Я повернула голову. Мужчина, с набрякшими веками и распахнутой на груди рубашкой, сидевший раньше за соседним столиком, стоял рядом, слегка покачиваясь.

– Я не пью.

– Почему?

– Не хочу.

– Непорядок, – брякнул он. – А позвольте сесть рядом?

– Не позволяю.

С минуту-другую он переваривал мой ответ, потом на-

брался решимости и придвинул к себе стул.

– Разрешите познакомиться...

– Девушка со мной, – раздалось сбоку.

Я повернула голову. Рядом стоял Ярослав.

– Как ты меня нашел? – вырвалось у меня.

– Это было нетрудно, – улыбнулся он краешками губ. – Нужно было просто проявить минимальные дедуктивные способности. Я пришел – тебя нет. На кухне ничего не тронуто. Я понял, что ты торопилась уйти. Но потом подумал, что тебе захочется выпить кофе, прежде чем уехать из города или... – он внимательно посмотрел на меня, – остаться в нем. Видишь, как все просто.

– Действительно, – качнула я головой. Когда я в детстве читала рассказы о Шерлоке Холмсе, то всегда удивлялась, насколько простой оказывалась разгадка. И почему, кроме Шерлока Холмса, никто не додумался до нее?

Ярослав сел рядом.

– И какое решение?

– Ты о чем?

– Ты остаешься в городе или уезжаешь?

Принесли кофе. Блондинка поздоровалась с Ярославом и не торопилась уходить, с интересом прислушиваясь к нашему разговору.

– Вообще-то это мое дело, – я решительно тряхнула волосами. – И я не обязана посвящать тебя в свои планы.

– Я просто хотел уточнить: нужна ли моя помощь.

Я резко отодвинула чашку, и темно-коричневая жидкость пролилась на стол.

– А кто тебя об этом просит? – Я ощущала, как во мне вскипает волна бешенства. – Ты мне – никто. И я прошу не следить за мной и не преследовать. Если ты однажды вмешался в мою жизнь, это не значит, что я позволю тебе сделать то же самое и во второй раз.

– Я это уже понял. Решительная девица.

– Какая есть.

– Твой кофе стынет.

– Плевать!

Я встала и повернулась к нему спиной.

– Чао!

Я пошла вдоль реки, не оборачиваясь. Тропинка подступала вплотную к темно-серой воде, поросшей у берегов камышами, похожими на острозаточенные пики.

– Ты можешь остановиться и поговорить? – услышала я сзади.

– Опять ты! – усмехнулась я. – Ты можешь отлепиться или нет? Я ведь могу позвать милицию и сказать, что ты меня преследуешь. Если ты хочешь провести эту ночь в тюрьме – пожалуйста.

– Я хочу тебе помочь. Неужели это такое странное желание?

Я остановилась.

– Очень странное. Ты даже не представляешь, насколько

моя жизнь разбилась, а ты предлагаешь мне склеить разбитые осколки. Прости, но это пахнет идиотизмом. Неужели ты не понимаешь, что иногда в жизни случаются абсолютно безнадежные и тупиковые ситуации.

– Понимаю. Поэтому я и здесь.

– Из человеколюбия?

– Ага. Я еще в детстве приводил домой бездомных собак и кошек. И мне за это здорово влетало от родителей.

– А теперь мальчик вырос и хочет спасти людей. Слушай, устроился бы ты медбратом в дом престарелых. Наверное, твоя помощь там будет очень кстати.

– Уже работал там, когда писал свой первый репортаж.

– Ты журналист?

– Угадала. – Он замолчал. – А теперь, может, ты мне все расскажешь?

– Расскажу. – Я вдруг почувствовала, как устали мои ноги. Ковылять на шпильках по берегу – похоже на спортивную гимнастику. Я опустилась прямо на землю и сняла туфли. Ярослав сел сбоку. – Я расскажу тебе все с одним условием.

– Чтобы я отстал? – усмехнулся Ярослав.

– А ты проницателен. Бывший медбрат и поклонник дедуктивного метода. Ну и как тебе мое условие?

– Принимаю.

– Тогда сиди и слушай. Только постарайся не перебивать.

– Обещаю. – Он поднял вверх руки. – Даю слово.

Я сорвала травинку и прикусила ее передними зубами.

– У меня муж погиб в автокатастрофе. Четыре месяца назад.

Ярослав присвистнул.

– Ты обещал не перебивать.

– Это вырвалось нечаянно. Больше не буду.

Я перевела взгляд на воду. Темная, стоячая. Казалось, в ней не было никакой жизни, только зияющая чернота.

– Мы ехали на машине, возвращаясь с одной вечеринки. Мы были абсолютно счастливы. Мы провели приятный вечер, и впереди нас ждала не менее приятная ночь. – Я сглотнула, воспоминания той ночи так живо, так явно встали передо мной...

Духота, красное платье прилипло к животу и бедрам. Я скинула куртку, мне жарко. Хотя на улице еще холодно – середина марта, но я взвинчена вечером, выпитым вином. Олег смеется, сидя за рулем, пересказывает мне запомнившиеся шутки и передразнивает кое-кого из гостей. У него так это удачно получается, что я заливаюсь смехом. У меня бесшабашное, отчаянно-веселое настроение, что случается не так уж часто. Обычно Олег подтрунивает надо мной и называет меня «Царевной Несмеяной». Но в этот вечер – я в ударе. От смеха я даже тихонечко повизгиваю: так мне весело.

Иногда мы многозначительно переглядываемся, и я провожу языком по губам. Олег уже не смеется, а смотрит на меня в упор. В его глазах вспыхивают огоньки желания.

– Смотри на дорогу! – напоминаю я.

– На тебя – приятней.

И вдруг машина вильнула в сторону, и мы съехали на обочину. Мы ехали по шоссе, и по сторонам тянулись темные деревья.

– Ты чего? – не поняла я.

Но вместо ответа Олег рывком задрал мое платье и стал поцелуями осыпать лицо и шею. Я уже с трудом дышала и почти не помнила себя от нахлынувшего желания. Он резко расстегнул ширинку, но внезапно фары проезжавшей мимо машины осветили нас.

– Черт! – Олег отодвинулся от меня и провел рукой по волосам. – Боюсь, что порезвиться нам не удастся.

– Да уж! Прелести мегаполиса. Никуда не деться от людей.

– Ладно! – Он тряхнул головой. – Прибавим скорость и скоро будем дома. Там и продолжим начатое.

Я пригладила волосы руками.

– Ну тогда поехали...

Какое-то время мы ехали в молчании, но Олег, покрутив рычажок магнитолы, включил музыку. Бодрые латиноамериканские ритмы заполнили салон машины.

Мы проехали еще немного, вдруг у Олега зазвонил мобильный.

– Кто тут еще? – недовольно спросил он. – Номер незнаком!

Он нажала на соединение.

– Что? Да как вы смеете? Это что за шутка! – заорал он.

– Что случи... – Но я не успела ничего сказать. Резко вынырнувший из-за поворота грузовик ослепил нас, и я ничего не помнила дальше, кроме сильного толчка и собственного краткого крика... Потом – провал.

Я рассказывала Ярославу все сухо, кратко, не глядя на него, опустив, естественно, подробности наших ласк. Все остальное я передала точно. Так, как сумела.

– Это все?

Я кивнула.

– Ты – Никитина! – уверенно сказал Ярослав.

– Да. Мой муж Олег Никитин – известный хирург-пластик.

– Я знаю. Я же журналист и помню это происшествие, которое прошло по многим информационным лентам. А кто звонил твоему мужу?

Я пожала плечами.

– Какой-то анонимный звонок. Ему иногда звонили разные психи, которые требовали, чтобы из них сделали Бритни Спирс или Бреда Питта. Таких людей мой муж посылал куда подальше. Поэтому ему приходилось частенько менять свою сим-карту.

– Ясно, – протянул Ярослав. – Только как-то этот звонок получился очень уж вовремя.

Я пожала плечами.

– Там следователи работали. Квалифицировали как несчастный случай.

– А водителя того грузовика нашли?

– Машину нашли. Шоферюгу – нет. Он испугался содеянного и, бросив машину, ударился в бег. Это был какой-то эмигрант-нелегал. Работал без документов. Но, откровенно говоря, это все неинтересно. Я не могу вернуть своего мужа, без которого моя жизнь потеряла всякий смысл. Я даже удивляюсь, почему я не умерла вместе с ним. – Я замолчала. Рассказав все Ярославу, я не почувствовала облегчение, напротив, на меня навалилась страшная тяжесть, словно я все пережила снова. – Поэтому, дорогой спаситель, больше меня не спасай. Договорились?

– Ты хочешь повторить?

– У меня нет другого выхода.

– Выход всегда есть.

– Ты говоришь, как в дешевых книжках или романах. А жизнь – другое. Я каждый день после катастрофы просыпалась с мыслью о смерти. Я ждала ее, призывала, молила о ней. Пока не поняла, что я сама должна сделать это.

– Зря!

– Не тебе судить.

– Ты так его любила?

– Очень.

– Счастливец.

– Только ему это не помогло. Ни ему, ни нам.

Я поднялась с земли.

– А теперь мы расстанемся, и ты дал слово больше меня не преследовать. Ты помнишь об этом?

– Помню. Но у меня есть кое-какие мысли...

– Они мне абсолютно неинтересны, – перебила я его. – Ты можешь оставить их при себе.

– Допустим. Но разве тебе не интересно, кто убил твоего мужа? Точнее, кто хотел вас убить?

Если он хотел меня удивить, то попал в точку. Я замерла на месте и впиалась в него взглядом.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну сама посуди. Как-то все слишком сходится. Звонок, грузовик, водитель-нелегал, которого никто не может найти... Тебе не кажется, что в этом деле слишком много совпадений? Я не верю в такое скопление случайностей.

– Следователи ничего не нашли, – быстро сказала я.

– Им очередной висяк не нужен. Если все подходит под несчастный случай – быть посему. Зачем всем лишняя головная боль?

Я молчала.

– Ну что скажешь?

– Ничего.

– А как же смерть мужа? Убийца так и останется ненаказанным.

– Ну это же только в книжках – дилетанты ловко распутывают совершенное убийство. На основании неопровержимых доказательств и оставленных улик. Вряд ли я смогу что-

то сделать – мне кажется, что это просто бессмысленная потеря времени.

– Я могу тебе помочь.

– Человеколюбивый медбрат?

– Считай, что во мне проснулся журналистский азарт и я хочу попробовать свои силы в этом расследовании. Так что нам все карты в руки.

– Это ты закрутил!

– Ничуть... Ну сама посуди! Какая-то сволочь отправляет в нокаут всю твою жизнь, а ты будешь сидеть сложа руки и ничего не предпримешь по этому поводу? Не слишком ли хороший подарок убийце? Сделал свое дело – и в кусты! Все чистенько, ни к чему не подкопаешься. Все списывают на несчастный случай и дело сдают в архив. А ты... – он замолчал.

– Я ничего не могу пока сказать. Слишком много ты обрушил на меня информации. А потом я не уверена, что все обстояло именно так, как ты говоришь...

– Хочешь спрятать голову в песок?

– А пошел ты!

Я повернулась и пошла дальше, ковыляя на каблуках. Перед моими глазами все расплывалось от слез. Внезапно я остановилась.

– Ладно! Я согласна. Только сначала угости обедом. У меня нет ни копейки денег.

– Идет! – И Ярослав поднял вверх большой палец. – Ты

не пожалеешь о своем выборе. Я тебе обещаю.

В «Лесной капельке» народу уже прибавилось. Барменша за стойкой встрепенулась при нашем появлении. Очевидно, мой внешний вид – шпильки, сильно декольтированное красное платье – даст обильную пищу для местных сплетен и слухов.

– Наверное, меня уже записали в столичные поп-звезды, – сказала я, наклонившись к Ярославу.

– Не сомневаюсь, что ты произвела в наших краях фурор, – усмехнулся он. – Тебя запомнят надолго. Такую эффектную молодую леди в сног-сшибательном платье. Зрелище незабываемое.

Я ела шашлыки и салат и прислушивалась к своим ощущениям. Нет, боль никуда не делась. Она просто отступила на второй план, я чувствовала, как во мне поднимается злость на того ублюдка, который решил отправить нас на тот свет. Но маленько просчитался. Если принять во внимание теорию, что все происходит не просто так, а зачем-то, тогда следует вывод, что я осталась в живых с какой-то целью. Найти и покарать убийцу Олега. А почему бы и нет?

Когда я закончила есть, Ярослав подался вперед.

– А теперь я хочу, чтобы ты рассказала мне все. О работе мужа, его образе жизни, друзьях-приятелях, врагах. Короче, все. Рассказывай даже то, что тебе покажется на первый взгляд несущественным и неважным. Я потом отсею эти

факты и решу, стоят ли они внимания.

– Я боялась твоего вопроса, – призналась я. – Потому что знаю не так уж много. А потом... тебе не кажется, что кафе – не совсем подходящее для этого место. Я чувствую себя как поп-звезда на сцене. Не хватает только бурных и продолжительных аплодисментов.

– При желании ты могла бы их сорвать.

– Спасибо. Так что давай двигать отсюда и искать более укромное место.

– Тогда квартира бабы Глаши.

– Пошли туда.

На кухне Ярослав достал блокнот и прочертил на его странице две линии.

– Вот смотри. Эта линия – факты, поступки, слова. То, что было. А это – наши догадки и версии. Поняла?

– Чего тут не понять! – скривилась я. – Но я уже предупредила тебя, что знаю очень немного.

– Не вникала в дела мужа? – Вопрос был обидный, но я на него не отреагировала.

– Нет. Скорее, он меня оберегал.

– От чего?

Я задумалась. Я пыталась стать Олегу по-настоящему близким человеком, которому он мог бы стопроцентно доверять и на кого мог бы положиться. Но мягко, ненавязчиво Олег отстранял меня от своих дел. Когда я пыталась расспросить его о работе, он отшучивался: «Ну что ты, Ник, по-

верь, там нет ничего романтического или захватывающего. Сплошные будни. Зачем тебе вникать в это?» В ответ на мои возражения он продолжал говорить в том же духе, пока я не отставала от него.

Одна моя знакомая, когда я поделилась с ней своей проблемой, только фыркнула, услышав мои жалобы.

– Чего ты паришься? Тебе нужны его заморочки? Радуйся, что мужик тебя своими темами не грузит. Чего тебе не хватает? Тебе было бы лучше, если бы он с утра до ночи о своих проблемах гудел?

Иногда я все же подступала к Олегу с расспросами. Но он не поддавался на мои уловки. И мне приходилось оставаться при своем. То есть ни с чем.

– Ну просто... он относился ко мне немного как к ребенку. И считал, что женщина не создана для прозаических дел.

– Он был старше тебя?

– На двенадцать лет. Ему тридцать пять, – сказала я, предвидя следующий вопрос. – Было тридцать пять, – поправила я.

– И сколько лет вы были женаты?

– Слушай, это что – относится к твоему расследованию?

– Самым прямым образом.

– Четыре года. Но мне кажется, что ты хочешь побольше узнать обо мне?

– И это есть.

– Зачем?

– О красивой девушке хочется знать все. Хотя вряд ли ты раскроешь все свои тайны.

– На это даже не надейся.

– Не буду.

– Закурить есть?

– Ты куришь? – Ярослав спросил это таким тоном, словно я была подростком-тинейджером, тайком от строгих родителей смолившим сигаретку.

– Когда-то курила. Потом бросила. Но сейчас самый момент возобновить дурную привычку. Иначе я рассыплюсь на куски.

– Ладно, кури...

– Ты мне еще разрешаешь? – возмутилась я.

Ярослав достал из ящичка сигареты и дал мне покурить.

– Клиника принадлежала ему?

– Нет. Он был наемным работником. У клиники был хозяин. Но кто – я его не знаю. Кажется, он часто жил за границей, а в России бывал редко, наездами.

– Значит, ты не стала богатой вдовой с кучей акций.

Я усмехнулась.

– А ты поэтому нацелился на меня? Шучу. Нет, Олег зарабатывал хорошо, и деньги у нас были. А что касается акций – здесь ты прав. Богатой вдовой я не стала.

– И кто теперь будет возглавлять клинику?

– Наверное, Дим Димыч, его заместитель.

Я невольно улыбнулась, вспомнив, какими словами мой

муж обычно говорил о своем заместителе. «Ну, Дим Димыч – человек серьезный. Я всегда могу на него положиться. Я ему доверяю, как самому себе. Если на работе аврал, чэпэшная ситуация или просто конфликт – Дим Димыч тут как тут. Все разрулит, поможет и подставит плечо».

– Ты видела Дим Димыча?

– Да. Несколько раз. На корпоративных вечеринках. Серьезный мужчина. По-моему, он шутит раз в году. Под Новый год. Ну, может быть, еще на Восьмое марта. На мой взгляд, он – типичный зануда. Но Олег его очень ценил и считал своей правой рукой. Они учились вместе и дружили еще со студенческой скамьи. Друганы – одним словом.

– Стало быть, у Дим Димыча был повод убрать твоего мужа, – веско сказал Ярослав. – Он теперь станет во главе клиники.

Я передернулась.

– По-моему, ты перегибаешь палку, – сухо сказала я, потушив окурок в блюдце. – Подозревать Дим Димыча – это уже слишком. Он и так получал неплохо. Клиника приносила хороший доход, и работники не бедствовали. Вряд ли Дим Димыч пошел бы на это ради лишних денег.

– Я обязан подозревать всех.

– Ничего ты не обязан, – разозлилась я. – Маешься дурью. Ну чем мы сейчас с тобой занимаемся?

– Ищем убийцу, – на полном серьезе сказал Ярослав.

– И поэтому ты записал заместителя моего мужа в главные

подозреваемые?

– Может, ему срочно нужны были деньги? Долги, женщина...

– Женщина у Дим Димыча? – здесь я невольно расхохоталась. – Видел бы ты его жену – не стал бы говорить такое. Это железный колобок, а Дим Димыч ярый подкаблучник. Он и шагу ступить без нее не смеет. Она руководит им и командует, как заправский командир. Конь с яйцами – говорят про таких баб. А ты... женщина...

Я вспомнила, как мы встречали Новый год в ресторане. Было приглашено несколько сотрудников с женами, и супруга Дим Димыча пыталась стать центром внимания – маленькая женщина в крикливо-розовом платье, из которого чуть не вываливались ее груди, похожие на перезревшие дыни. Олег не выдержал и наклонился ко мне: «Не представляю, как они спят. Наверное, она лежит и командует им: а теперь возьми в рот сосок, положи руку в промежность, быстрее, быстрее, а то я не кончу. Ну и что-то в этом роде». Я с трудом удержалась, чтобы не прыснуть.

– Нет, – я потрясла головой. – Дим Димыч и женщина – это что-то немыслимое. Из ряда вон выходящее.

– Ладно, оставим святого Дим Димыча в покое. Если бы он слышал, какую осанну ты поешь его моральным качествам! – фыркнул Ярослав.

– Я просто пытаюсь тебе внушить, что это бред.

– Все бред, – согласился он. – И тем не менее твой муж...

Прости, – бросил он.

– Ты прав... – тихо сказала я. – Что еще ты хочешь узнать?

– О других сотрудниках клиники твоего мужа. Как она, кстати, называется?

– «Вета-клиник». Еще я знаю секретаршу Танечку. Ей двадцать с небольшим лет. Она очень исполнительна и аккуратна. Олег ее хвалил. Она работает с самого основания клиники, то есть семь лет. Но она работала с Олегом еще раньше, в другом месте.

– Не густо.

– Я тебе сразу сказала, что знаю очень немного.

– Что ж! – Ярослав что-то написал на листе бумаги и обвел кружком. – Придется тебе побеседовать с Дим Димычем. И как можно скорее.

– Я уже так и поняла, – меланхолично откликнулась я. – Дай еще сигаретку.

Домой я возвращалась со странным чувством сожаления, горечи и странного волнения. Мне вдруг захотелось узнать, прав ли Ярослав. Это несчастный случай или... хладнокровное убийство. Я понимала, что Олега не вернешь. Понимала прекрасно, но сознание, что человек, разрушивший мою жизнь, спокойно гуляет по улицам, не отпускало меня. Оставалось одно – узнать правду. Какой бы она ни была.

Я сошла на трамвайной остановке и направилась к дому пешком. Нырнув под арку, я подумала, что, когда уезжала, не

думала, что еще сюда вернуться. Человеческие планы – странная штука! Можно сколько угодно планировать, но стопроцентной гарантии тебе не даст никто. Даже ты сама...

Во дворе в песочнице копошились дети. Около подъезда сидела главная сплетница – баба Надя, которая при виде меня поджала губы.

– Здравсте-е, – нараспев сказала она. – Ездила куда, милая?

Я сухо кивнула:

– Да. По делам.

Она окинула меня пронзительным взглядом и ехидно поджала губы. Я в своем сильно декольтированном ярко-красном платье не слишком была похожа на бизнес-леди, разъезжающую «по делам». Но тут же этот главный осведомитель нашего двора сменила любопытную гримасу на сочувствующую.

– Горе-то какое пережила ты, Вероника! Это надо же – мужик ушел в расцвете сил. Хороший мужик был...

Я прибавила шаг. Еще не знаю, что было противнее: ее насмешливая ухмылка или фальшивые сочувствия.

Наши дворовые сплетники вызывали у меня чувство глубочайшего омерзения. У многих из них есть дети, внуки.

Занялись бы чем-то путным! Так нет, сидят во дворе и всем кости моют...

Я не стала останавливаться у почтового ящика – в другой раз... – и подошла к лифту. Поднявшись на свой этаж, я немного задержала дыхание. Ну вот... я и дома... Я позво-

нила соседке и взяла у нее ключи.

Разумеется, в моей квартире все было по-старому. Оно и понятно. Я покинула ее день назад, и вряд ли что-то в ней могло измениться. И все же... что-то было не так. Я обошла комнаты и, войдя на кухню, опустилась на табурет. Из крана капала вода. Надо в ближайшее время вызвать сантехника, мелькнуло в голове.

Я включила электрический чайник и задумалась. Мне предстояло много дел на этой неделе. И прежде всего навестить в клинику и поговорить с Дим Димычем.

И вдруг я поняла. Изменилась я сама. Из женщины, готовой сделать самый страшный и последний шаг в своей жизни, женщины, находящейся на краю отчаяния, я превратилась в человека, которому позарез нужна правда. И который готов пойти на все, чтобы ее узнать. Ну что ж! Это неплохое начало новой жизни.

Я выпила две чашки крепкого кофе и, придвинув к себе телефон, набрала номер «Вета-клиник». Я знала его наизусть. Сколько раз, когда Олег был недоступен, набирала номер его секретаря и узнавала, что он на операции или на консилиуме.

Танечка откликнулась сразу:

– «Вета-клиник» слушает.

Я почувствовала, как у меня внезапно сел голос.

– Алло! Танечка, это я. Вероника. Жена... – я запнулась.

– Я узнала вас, Вероника Сергеевна, – откликнулась Та-

нечка.

Возникла пауза.

– Дим... Дмитрий Дмитриевич на месте?

– Кротов? – насторожилась Танечка. – Да. На месте. А что?

– Я хотела с ним поговорить, – торопливо сказала я.

И снова пауза.

– Вам дать его телефон или соединить с ним прямо сейчас? – вежливо-равнодушным тоном осведомилась Танечка. От ее настороженности не осталось и следа. Она растаяла как сосулька, если ее приложить к батарее.

– Соедини! – сказала я.

– Одну минуту.

Высокий, вышколенно-секретарский голос Танечки резал мне уши.

Через минуту после мелодичной трели я услышала в трубке покашливание:

– Кротов слушает.

– Дмитрий Дмитриевич. Это Вероника. Вероника Никитина. Я хотела с вами поговорить. Если можно, сегодня. Не откладывая.

Ответом мне была тишина. Мне она казалась бесконечной. Блин... Они сегодня все там коматозники, что ли?

– Сегодня... ну... даже не знаю. – Потом Дим Димыч словно на что-то решился и сказал, как отрубил: – Хорошо. Приезжайте к нам сегодня. Только после пяти. Раньше я буду

занят. И когда будете подъезжать, позвоните, чтобы я мог вас встретить. А... не могли бы вы сказать, по какому вопросу вы хотите со мной поговорить? – осторожно спросил Кротов.

– Все скажу на месте, – буркнула я и повесила трубку.

Что ж! Маленький шажок вперед был сделан. Только уж, на мой взгляд, он был слишком маленьким. Почти микроскопическим.

Время до пяти часов я убила не самым лучшим образом. Провалилась в постели, бесцельно послонялась по комнатам, выпила еще кофе. Есть мне совершенно не хотелось. Съездила за машиной – забрала ее из ремонта. В четыре я стала собираться и в начале пятого вошла в строгий брючный костюм, который всегда ненавидела, но понимала, что один такой вот официальный костюм должен быть в гардеробе каждой уважающей себя женщины. В этой безликой униформе я покинула свою квартиру и, поправив сумочку на плече, спустилась по лестнице, не дожидаясь лифта.

«Вета-клиник» находилась в одном из московских переулков в двух шагах от оживленной автострады. Местоположение было удобное, о чем Олег неоднократно говорил мне. Он любил свою работу, свою клинику, пациентов и даже место, где находится медицинский центр. Я заехала на парковку, поставила машину и быстрыми шагами пересекла двор. Не успела я открыть до конца дверь, как ко мне шагнул охранник.

– Документы? Вы записывались?

– Все в порядке, Саша, – сказала я, снимая темные очки. – Все в порядке.

На лице охранника – молодого высокого парня с бычьей шеей и маленькими глазками – отразилась сложная гамма чувств. Инструкции предписывали ему справиться о моем визите у начальства. А чисто человеческое участие подсказывало пропустить меня внутрь без всяких там официальных церемоний. Победило второе.

– Проходите, Вероника Сергеевна, – сказал он, отступая в сторону.

– Спасибо, – ответила я, пряча темные очки в сумку.

Пройти по «Вета-клиник» я могла бы с закрытыми глазами. Я помнила, где находится кабинет Дим Димыча, и уверенно направилась к нему. Кабинет был заперт. Я подергала ручку и направилась к секретарше. Рабочий день уже закончился, и я шла по пустому коридору.

Я вошла в приемную, и мое сердце сжалось. На кабинете Олега уже не было таблички «Никитин Олег Валерьевич – директор». На ней вообще ничего не висело. И эта пустая темно-коричневая дверь еще раз напомнила мне о моей утрате.

В приемной Танечки не оказалось, и я уже хотела было развернуться и пойти назад – к Дим Димычу или на худой конец посидеть в приемной на первом этаже. Вдруг из бывшего кабинета Олега донеслись странные звуки. Я развернулась и подошла к двери ближе. Я собиралась толкнуть дверь,

но что-то остановило меня. Кто-то за дверью занимался сексом, и приглушенные стоны были тому наглядным доказательством.

– А... а... – доносилось до меня.

Я попала в дурацкое положение. Находиться в приемной было нелепо. Уйти же из клиники я не могла. Мне нужно было во что бы то ни стало поговорить с Дим Димычем. Был еще один выход – выйти в коридор и постоять в вестибюле, пока эти двое не выйдут из кабинета Олега.

Я так и сделала. Ждать мне пришлось недолго. Дверь приемной тихо открылась, но поскольку рабочий день закончился и вокруг стояла тишина, я развернулась и увидела Танечку, торопливо застегивавшую верхнюю пуговицу блузки. Я шагнула из-за пальмы. При виде меня Танечка остолбенела и подалась назад, словно хотела кого-то предупредить о моем появлении, но не успела, и через секунду за ней выросла длинная фигура Дим Димыча.

Эти двое буквально вросли в землю, увидев меня.

На физиономии Дим Димыча отразилась досада, смешанная с изрядной долей раздражения.

– Вероника Сергеевна! – преувеличенно громко воскликнул он. – Я думал, вы позвоните, прежде чем зайдете сюда. Я вообще мог уже уехать. Да вот задержался, – говорил он, стараясь не смотреть мне в глаза. Выражение глаз Дим Димыча я не видела, они прятались за толстыми стеклами очков. Он нервно поглаживал окладистую бороду и смотрел на

меня. – Вы хотели со мной поговорить?

– Да.

Танечка пришла в себя, издала краткий смешок и бросила:

– Ну я пойду. Больше поручений не будет?

Фраза в ее устах звучала более чем сомнительно. Но эти двое так старательно разыгрывали передо мной спектакль под названием «Образцовые сотрудники, задержавшиеся после работы для выполнения трудового поручения», что, как оно и бывает, перегнули палку, то есть переиграли. Я сделала вид, что ничего не заметила.

– Нет, Таня, на сегодня ты свободна.

Танечка ушла с высоко поднятой головой, кивнув мне на прощание. Когда цокот ее каблучков затих, Дим Димыч повернулся ко мне:

– Наверное, будет удобнее беседовать у меня?

Я кивнула. Сидеть в кабинете Олега – это было выше моих сил.

– Тогда прошу.

В кабинете Дим Димыч сел за свое кресло и стал перебирать бумаги.

– Извините, одну минуту...

Он сосредоточенно просматривал какие-то записи, но я видела, что он жутко нервничает и старается скрыть свое смятение. То ли от того, что я застучала его, примерного семьянина, с Танечкой, то ли здесь было что-то еще... Наконец

он собрался с силами и поднял голову:

– Я совсем забыл: чай, кофе...

– Ничего не надо.

Я сидела напротив стола, закинув ногу на ногу.

– Ну тогда... – он хотел сказать «начнем», но промолчал.

Впрочем, смысл его молчания был ясен. Ты сюда приперлась зачем-то, теперь выкладывай – зачем.

– Дмитрий Дмитриевич, я пришла сюда, чтобы спросить, не было ли у Олега в последнее время каких-то неприятностей, никто ему не угрожал...

Если бы я сказала, что мой бывший муж занимал высокий пост в тайной масонской ложе, Дим Димыч и то не так бы удивился этому, как моему вопросу.

– С... чего ты... вы... взяли?

– Дмитрий Дмитриевич, можете на «ты».

– Ну хорошо! – Он уже немного оправился от шока. – С чего эта мысль пришла тебе в голову?

– Просто так. Я неожиданно подумала, что смерть Олега не была случайной. Она... возможно, была специально подстроена.

Дим Димыч снова схватился за бумаги. Как за спасательный круг, подумала я. И похоже, что мое сравнение было точным.

– Я даже не знаю, что сказать, – протянул он. – Я ничего об этом не знаю. По-моему, ты себя накручиваешь. Я понимаю, что ты... – он не закончил.

Во мне закипали легкие пузырьки раздражения. Жизнь с Олегом научила меня спокойствию и терпению, но я не всегда была такой. Когда мы с ним познакомились, Олег говорил мне, что я напоминаю ему затаившуюся пантеру. «Никогда нельзя знать, чего от тебя можно ожидать, – со смехом произносил он. – То ли поцелуя, то ли укуса».

– Мое состояние здесь ни при чем, – холодно сказала я. – И я не сошла с ума. Если я спрашиваю, значит, на то есть причины.

– Какие? – ухватился он за мои слова. – Какие причины?

– Я не могу пока рассказать о них, но прошу помочь мне. Разве это так трудно? Олег всегда считал вас своим лучшим другом.

– Мне тоже можешь говорить «ты».

– Идет, – кивнула я. – Ты был лучшим другом Олега, и теперь я прошу помочь разобраться с некоторыми обстоятельствами.

– Что ж! Понял! – Он откинулся на спинку кресла. – Тогда я вынужден тебя разочаровать. Я ничего об этом не знаю. Все было как всегда. Как обычно. Если бы что-то было, Олег сказал бы мне... Обязательно.

– Да. Поэтому я и пришла к тебе. Значит, ничего не было.

– Абсолютно. – Дим Димыч забарабанил по столу какой-то бравурный марш, желая поскорее отделаться от меня и рвануть домой под крыло своей властной супруги, которую он, тем не менее, успешно обводил вокруг пальца с секре-

таршей Танечкой.

Я подумала, что, если мужчина хочет, он всегда найдет возможность изменить. Хоть круглосуточно следи за ним и устраивай засады. Наивны те женщины, которые допекают мужиков звонками и контролем. Им кажется, так спокойней. Глупые курицы!

Как бы в подтверждение моих слов, зазвонил телефон.

– Прости! – поспешно выпалил Дим Димыч, срывая трубку. – Алло! Да, дорогая, скоро буду. Пришлось задержаться. Дела.

Я ухмыльнулась про себя. Его благоверная думает, что ее супруг – примерный семьянин. Что ж! Она жестоко ошибается, но это уже не мои проблемы...

– Кажется, я все сказал, – вкрадчиво произнес Дим Димыч, приподнимаясь с кресла. – Если что...

– А пациенты, – перебила я его. – Не могло быть здесь каких-то проблем или конфликтов? Наверняка не все операции заканчиваются удачно и...

Дим Димыч со страдальческим выражением лица плюхнулся обратно в кресло.

– Господи! Вероника! Как тебе могло такое прийти в голову? О чем ты? У «Вета-клиник» отличная репутация. Мы бы не входили в двадчатку лучших клиник Москвы, если бы у нас были проколы. Твоя мысль абсолютно абсурдна. Абсолютно! Выкинь ее из головы.

Он говорил с излишней горячностью. Мне снова на ум

пришло сравнение с актером, который переигрывает. Я задержала вдох.

– Значит, с этой стороны все в порядке.

– Естественно! Естественно! Что за странные мысли лезут тебе в голову! Мой совет – съезди куда-нибудь отдохнуть, развеяться. Тебе это просто необходимо.

Он уговаривал меня, убеждал... Я подумала, что еще немного, и он снимет трубку с рычага и позвонит в аэропорт. Закажет мне билет на любой курорт мира, лишь бы уехала подальше со своими дурацкими вопросами. А если все происходит именно так и я ничего не путаю, стало быть... Я не успела додумать свою мысль, как Дим Димыч вторично поднялся с кресла.

– У тебя все? – На этот раз в его голосе слышалось плохо скрываемое нетерпение. Он уже хотел ускользнуть от меня и окунуться в свою привычную жизнь. Я была ему в этом желании помехой, которую он собирался немедленно устранить.

– Все! – Я тоже поднялась. – А кто будет возглавлять «Вета-клиник». Ты?

Удар попал точно в цель.

– Я, – с некоторым вызовом сказал Дим Димыч. – А что? У тебя есть возражения против моей кандидатуры? – Он пытался превратить все в шутку. Но я видела, что его постепенно парализует страх. Настоящий животный страх, который таился в его взгляде, чуть подрагивающих пальцах рук,

нервных движениях.

– Возражений нет. – Я покачала головой. – Ты будешь хорошим директором клиники. Олег всегда хвалил тебя и говорил, что «Дим Димыч – человек серьезный». Это его собственные слова. Я думаю, он хотел бы того же самого.

Кадык Кротова судорожно дернулся. Я сделала несколько шагов к двери. Он обреченно шел за мной.

– Я провожу тебя.

– Не надо.

Мне показалось, что у него вырвался вздох облегчения.

– Ты, если что... звони... приходи. Только звони предварительно, – спохватился он.

– О'кей.

Я кивнула ему и пошла по коридору. У меня сразу созрел один план. Я знала, что в моем распоряжении несколько минут, не больше. И поэтому мне надо было проявить чудеса оперативности. Какое-то чутье подсказывало мне, что Дим Димыч не кинется сейчас домой, а какое-то время посидит, отдышится в своем кабинете. Ему нужно прийти в себя и собраться с мыслями. А для этого требуется время. И я должна использовать эту внезапно возникшую паузу с максимальной пользой для себя.

Я повернула за угол и пулей ринулась в приемную. Слава богу, она была еще не закрыта.

Лихорадочными движениями я пролистывала журнал, где регистрируются пациенты, и на сотовый в бешеном темпе

фотографировала страницы. Я поминутно прислушивалась: не идет ли Дим Димыч. Но он, наверное, с трудом приходил в себя после града моих вопросов.

Я успешно провернула необходимую мне операцию и вышла в коридор. Спустившись вниз, я приветливо кивнула охраннику и направилась к своей машине.

Вечером после горячей ванны я снова прокрутила в памяти свой разговор с Дим Димычем, пока не поняла, что мне необходим собеседник. Одна я не смогу переваривать ту информацию, которую получила. Я вспомнила о Ярославе и, вынырнув из воды, накинула на себя халат и пошлепала на кухню.

Ярослав снял трубку сразу.

– Вероника! – позвал он меня.

– Как ты угадал? – изумилась я. – Ведь я даже не представилась.

– А я ждал твоего звонка, – откликнулся Ярослав. – Я знал, что ты позвонишь.

– Какой ты догадливый, – хмыкнула я. – Настоящий Шерлок Холмс!

– Какие новости?

– Я говорила с Дим Димычем. Это заместитель Олега.

– Я помню.

– Он клянется и божится, что чисто со всех сторон. Врагов у Олега не было, звонков с угрозами – тоже. А в клинике

вообще царит божье царство на земле. Тишь да гладь. Никаких провальных операций и недовольных пациентов. Все благолепно и хорошо, как бутерброд, намазанный толстым слоем сливочного масла.

– Ты веришь этому?

– Нет. Потому что этот дядя источает такие флюиды страха, что ими, если бы страх был заразен, можно было бы заразиться и залечь в бокс. Здесь, правда, есть одно обстоятельство... – И я вкратце рассказала ему о ситуации в кабинете.

– И ты уверяла меня, что он святой, – со смехом откликнулся Ярослав.

– Беру свои слова обратно. Я жестоко ошибалась. Святой Дим Димыч такой же грешник, как и все. И не видать ему нимба, как своих ушей. Поэтому...

– Ты считаешь, что его страх может быть связан с пикантным приключением в кабинете?

– Почему бы и нет. Мужики – трусливый народ. А Дим Димыч слишком боится своей жены, чтобы хотеть огласки. И его страх может быть связан именно с этим обстоятельством. И ни с чем другим.

– Ты-то как думаешь?

Похоже, что Ярослав считал меня лучшим, нежели он сам, барометром или индикатором человеческих поступков и мыслей.

– Я ничего не думаю, – устало откликнулась я. – Но если Дим Димыч хоть немного знает меня, а он знает, он сообра-

жает, что я не пойду стучать на него жене. Какая мне в том надобность?

– Логично.

– Ну ладно, оставим его на время в покое. У меня есть еще одна ниточка. Пациенты. Я достала их адреса и координаты. Сфоткала на мобильник. Теперь можно их просмотреть.

– Давай их мне, – предложил Ярослав. – Я обзвоню этих людей и все выясню. Запущу им какую-нибудь феньку про журналиста, которому надо срочно сбавать материал на медицинскую тему. Я думаю, это сработает. Если они довольны клиникой, то будут петь ей дифирамбы. Если нет, то мы узнаем много нового и интересного. Так?

– Так. И как скоро ты думаешь повернуть это дело.

– Завтра и начну. У тебя комп есть?

– Есть. Остался от мужа.

– Тогда жду список. Ты что сейчас делаешь? – спросил после минутной паузы Ярослав.

– Я сижу на кухне и думаю, чем заняться. Сегодняшний вечерок еще тот был. Наверное, пойду спать. У тебя как дела?

– Я тоже сижу на кухне. Пью чай с вареньем бабы Глаши. Вкуснятина.

– Знаю. Ела. Оставь баночку, если мне еще придется заглянуть к тебе – с удовольствием продегустирую. Особенно мне понравилось вишневое.

– Скорее я к тебе в Москву приеду с гостинцем.

– Возражать не стану.

Закончив разговаривать, я пошла в комнату. Нет, моя боль, моя печаль, моя тоска по Олегу никуда не делись. Но вместе с тем во мне рождалась другая женщина – более решительная и уверенная в себе.

Я становилась другой. И не то чтобы я хотела этого. Похоже, у меня просто не было иного выхода.

Следующие дни я разбиралась с бумагами Олега. Пролистывая его записную книжку, я наткнулась на запись: операция шестого февраля. И эта дата обведена красным кружком. А рядом знак вопроса. Я подумала, что, может быть, это имеет какое-то значение, и записала этот факт к себе в блокнот. Список пациентов я скинула на почту Ярослава и теперь ждала от него ответной информации. Тот крик Олега до сих пор стоял у меня в ушах, и, стиснув зубы, я поклялась, что тот, кто подстроил катастрофу, дорого за нее заплатит.

Ярослав откликнулся через два дня:

– Это я.

– Я поняла.

– Слушай, через полчаса я буду у тебя.

– Как у меня? – опешила я.

– Я в Москве и звоню с вокзала. Я взял десять дней в счет отпуска, чтобы помочь тебе и заодно переделать кое-какие журналистские дела. Так что встречай гостей.

– А ты мог бы предупредить заранее! – завопила я.

– Сорри! Не получилось.

– Ладно, жду, – поостыв, сказала я.

– А разве могло быть по-другому? – ехидно поинтересовался Ярослав.

– Не ерничай.

Повесив трубку, я подумала, что накинулась на парня совершенно напрасно. Но я в самом деле не любила, когда что-то сваливалось в самый последний момент и приходилось срочно корректировать свои планы. Хотя какие планы у меня были сейчас? Мой всплеск эмоций был скорее привычной реакцией. Идти мне на работу было не надо, куда-то спешить – тоже. Так что принять Ярослава я могла хоть через пять минут.

Было двенадцать часов дня. И я проснулась только недавно. Позавтракать еще не успела, и теперь мне предстояло приготовить завтрак на двоих. Открыв холодильник, я убедилась, что кое-какие запасы у меня есть и этого вполне хватит для скромного завтрака. А ресторанного размаха я ему и не обещала.

Когда запищал домофон, я сорвала трубку:

– Ну!

– Что «ну»? – притворно удивился Ярослав. – Я уже здесь.

– Тогда поднимайся. Этаж пятый, квартира двадцать восьмая.

– Есть!

Открыв дверь, я не удержалась от замечания:

– Сияешь, как начищенный самовар.

– Я просто рад тебя видеть, – сразу откликнулся Ярослав.

– Ага! Я уже поняла, что твое хобби – спасать молодых девушек.

– Не просто молодых, а еще симпатичных.

– Умеет ваш брат журналист говорить цветистые комплименты, – фыркнула я. – Ладно, не стой в дверях. Проходи на кухню. Я еще не позавтракала, так что предлагаю сделать это вдвоем.

– Предложение принято.

Я слушала эту легкую болтовню и удивлялась сама себе. Но потом я поняла, что четыре месяца жесточайшего стресса и депрессии довели мой организм до такого состояния, что сейчас я ощущала себя воздушным шариком, случайно вырвавшимся из крепких рук. Наверное, это тоже пройдет через какое-то время. Но Ярослав меня спасал уже тем, что заставлял действовать, а не сидеть погруженной в свои мысли и черную хандру.

Все это промелькнуло в моей голове в то время, когда я расставляла чашки и делала бутерброды с сыром и копченой колбасой.

– Чай, кофе.

– Естественно – кофе.

Ярослав сидел у окна и неотрывно смотрел на мои руки.

– Вот сейчас что-нибудь уроню – тогда будешь знать, – пообещала я ему. – Смотреть на руки хозяйки, когда она что-то

делает, все равно что ставить подножку бегущему человеку. Проверено на себе.

– Не буду. Просто мне нравится на тебя смотреть.

– И откуда ты взялся такой на мою голову?! Давай ешь.

Не успел Ярослав сделать пару глотков сваренного в турке кофе, как я встрепенулась.

– А чего ты не рассказываешь о своем журналистском расследовании? О статье на медицинскую тему? Кажется, такую байку ты собирался впарить клиентам «Вета-клиник».

– Совершенно верно, – отозвался Ярослав с набитым ртом. – Просто есть один настораживающий факт...

– Тогда выкладывай.

– Дай прожевать, – проворчал он. – Я с утра ничего не ел.

– Я теперь понимаю, что через желудок лежит путь не только к сердцу мужчины, но и к мозгам, – ввернула я.

– Думай, что хочешь.

Ярослав допил кофе и встал из-за стола.

– Ты куда?

– За блокнотом. Он в дорожной сумке в коридоре.

Разложив бумаги и блокнот на столе, Ярослав, пригладив волосы, начал:

– Из этого списка я начал с самых последних клиентов. Это, так сказать, по первости. Как самый свежий факт. Потом бы перешел к остальным. Все было нормально, они говорили, что довольны качеством медицинских услуг и врачами. Все хорошо, словом, типичное бла-бла-бла. Но тут я

наткнулся на непонятную вещь. – И он замолчал.

– Какую?

– Данные одного пациента, точнее, пациентки, были абсолютно липовыми.

– Что это значит? – нахмурилась я. – Ее не существует в природе?

– Видимо. Вот ее имя-фамилия-отчество. Канычкина Ирина Николаевна, 1978 года рождения. Пробыла в клинике три дня. Поступила шестого февраля...

– Постой-постой! – прервала я его. – Шестого февраля, говоришь?

– Да.

– И что?

– Адрес, телефон – все липа. Звоню по оставленному телефонному номеру – таких здесь нет и никогда не было. Напал на старушку, так она меня обозвала хулиганом и сказала, что, если я еще раз позвоню, она обратится в милицию.

– Так, – с расстановкой произнесла я. – И каковы твои версии?

– Сначала я подумал, что врачи из «Вета-клиник» ошиблись. Но ведь они наверняка принимают людей по документам, тогда получается, что под именем Канычкиной скрывался кто-то другой.

– Но зачем им понадобились такие меры предосторожности?

– Вот это самое интересное. Зачем? И кто скрывался под

ее именем?

– Любопытно. Дело в том, что, разбирая бумаги Олега, я наткнулась в его записной книжке на запись: операция шестого февраля. Дата обведена красным кружком и знак вопроса. Тебе не кажется это странным?

Ярослав присвистнул.

– Ничего себе!

– Это очень просто узнать, – сказала я, придвигая к себе телефон. – Я сейчас позвоню Кротову и все выясню у него.

– Слушай, на твоём месте я не стал бы этого делать. Сама посуди. Кротов, по твоим словам, во время разговора с тобой жутко нервничал. А ты хочешь подлить масла в огонь? И что он тебе скажет по телефону? В любом случае это не телефонный разговор.

– Ты прав, – произнесла я, поднося ко рту большой палец.

У меня осталась дурная привычка с детских лет. В минуты сильного волнения я принимаюсь грызть ногти. Олег называл меня в такие минуты «Ногтегрызка» и призывал пощадить мои красивые ноготки.

– Ты прав, – повторила я. – Я позвоню и назначу встречу Дим Димычу. Лучше даже не в стенах клиники.

– А это ты уже решай сама. Может, лучше все-таки встретиться на территории «Вета-клиник»? Там он сможет сразу дать тебе всю необходимую информацию о Канычкиной. Если, конечно, захочет, – усмехнулся Ярослав.

– В этой клинике я почувствовала себя словно на терри-

тории врага, – пожаловалась я. – Раньше она была мне вторым родным домом, а теперь... одни сюрпризы на каждом шагу. И все со знаком минус.

– Тебе все равно не отвертеться от встречи с Кротовым. Так что не накручивай себя заранее. Может, все обойдется тихо-мирно. И выяснится, что врачи что-то перепутали или напортачили. И записали вместо нее другого человека по ошибке. Так ведь тоже бывает.

– Ага! Только не в нашем случае.

– Посмотрим.

– Если бы один только Кротов! Там опять Танечка стоять на ушах будет.

– Я бы на твоём месте обязательно поговорил бы и с ней. Секретарши всегда знают больше, чем об этом догадываются их начальники. Просто умело маскируются. Больше знают – лучше платят. За молчание.

– Я даже не представляю, как разговаривать с Кротовым. А уж с Танечкой....

– Ничего. Нужные слова обязательно найдутся. В нужное время и в нужном месте, – и Ярослав подмигнул мне. – А потом не забывай: я с тобой.

– Помню, помню. Терминатор и Билл Гейтс в одном лице. Сила и мозги. Сокрушительный тандем. Только отдуваться все равно мне одной.

– Не факт.

Я позвонила Кротову и попросила о встрече. Мне показа-

лось, что только воспитание не позволило ему сразу и бесповоротно послать меня ко всем чертям. Он долго молчал. Потом попросил перенести на завтра. С утречка. Я согласилась. С утречка так с утречка.

Остаток дня мы с Ярославом смотрели телевизор и играли в нарды. Олег научил меня этой игре, а Ярослав увлекался ею с детства. Счет на протяжении всей игры был почти равным, но в последнем раунде я опередила. Хотя мне показалось, что Ярослав проиграл, чтобы доставить мне удовольствие. Что ж! Сделал он это зря. Я бы все равно не дала ему долго почивать на лаврах и обязательно бы отыгралась.

Ярославу я постелила в гостиной, а сама завела будильник на восемь утра, потому что в девять мне надо было уже быть у Кротова.

В этот раз Дим Димыч уже не нервничал. Или делал вид, что все в порядке. Он поздоровался со мной и сказал, поглядывая на часы:

– Вероник! У меня очень мало времени. Прости, но все расписано буквально по минутам и секундам. Поэтому прошу – недолго. – Он откинулся в кресле, глядя на меня, его глаза поблескивали из-за толстых стекол очков.

– Постараюсь быть краткой. Насколько это возможно. Я тут разбирала бумаги Олега и нашла кое-что. Дата операции – шестого февраля, обведенная красным кружком, и большой вопросительный знак. То ли он сомневался насчет бла-

гополучного исхода операции, то ли что-то еще. Так вот. Я хотела бы встретиться с этим пациентом лично и убедиться, что с ним все в порядке. А то иначе разные фантазии станут лезть в голову. Вдруг этот человек как-то приложил руку к той автокатастрофе. Он или его родственники.

Дим Димыч подавил вздох.

– Ника! Если бы в нашей клинике случилось ЧП, а это было бы настоящим ЧП со всеми вытекающими последствиями вплоть до уголовного дела, то я непременно бы знал об этом. Так вот спешу тебя уверить, что таких случаев в нашей клинике нет и быть не может. У нас работают специалисты высочайшего класса. Ты это и сама знаешь.

– Согласна. Но все-таки для очистки совести я хотела бы все проверить. Дайте мне координаты этого человека, я позвоню ему, и все. Мне только нужно знать, что он жив-здоров и никаких претензий ни к клинике, ни к врачам не имеет.

– Ну ладно. Кто там у тебя?

Я достала из сумки бумажку и развернула ее.

– Некая Канычкина Ирина Николаевна, 1978 года рождения. Поступила в пятницу поздно вечером. В понедельник утром выписалась.

Казалось, что от лица Дим Димыча отхлынула вся кровь и оно стало мертвенно-бледным. Он подался вперед.

– Канычкина... – Он потер лоб. – Что-то, честно говоря, не припомню такую пациентку. Может, Олег что-то перепутал?

– Эта фамилия встречается в его заметках, – сочинила я. – И не один раз.

– Может, твой муж связывался с ней и предлагал лечь в клинику.

– Судя по записям, она уже в ней побывала.

– Ах да! Но, видимо, эта пациентка находилась под личной опекой твоего мужа и я о ней ничего не знаю.

У меня на языке вертелось: «А разве так бывает?» Но я проглотила эти слова и посмотрела на Кротова:

– Ну так что?

Казалось, он уже немного пришел в себя и теперь лихорадочно соображает, какую легенду мне скормить.

– Кажется, к глубокому сожалению, я ничем не могу тебе помочь. Я об этом ничего не знаю.

– Но все клиенты клиники записаны в журнале, – настаивала я. – Может, справиться у Танечки?

– Татьяна Александровна, – перешел на официальный тон Дим Димыч, – в настоящее время занята и вряд ли сможет выдать эту справку.

– Эта информация займет пару минут или того меньше.

– Вероника! Ты не знакома с системой учета, которая ведется в нашей клинике. Информация не может быть выдана так быстро. Здесь нужно время.

– Я могу подождать в приемной у Тανε... у Татьяны Александровны. Время у меня есть, – настаивала я.

– Давай уж в другой раз. Хоть завтра. Только не сегодня.

Сейчас у меня уже начинается совещание, – посмотрел на часы Дим Димыч.

Я с трудом сдерживала подступающее бешенство.

– Хорошо, если вы отказываетесь предоставить эту информацию, я обращусь к Татьяне Александровне.

С этими словами я вскочила со стула. Кротов тоже поднялся с кресла.

– Уверяю тебя, лучше подожди до завтра. Днем раньше, днем позже, что изменится-то?

Я хотела сказать: «Все». Ты успеешь вырвать из журнала страницу или вообще уничтожить его. Ты сделаешь все, чтобы скрыть любую информацию об этом пациенте. И чтобы я никогда не узнала, кто скрывается под именем Канычкиной Ирины Николаевны. Но я не могу дать тебе эту фору во времени. Даже не пытайся!

– Мне нужна эта информация сейчас.

– Как малый ребенок, честное слово. – Кротов пытался перейти на отечески-благодушный тон. Так папаша разговаривает с не в меру расшалившимся ребенком. Мол, отстань и подожди. Игрушку тебе купят завтра, а не сегодня. Потерпи и не устраивай здесь сцен.

Только от этой благости меня едва не подташнивало.

– Ну... у каждого свои недостатки, – с легким смехом сказала я, – считай, что я взбалмошна и капризна, как все женщины. И не могу долго ждать.

– Олег бы не одобрил тебя. Ты отрываешь меня от работы.

Это был удар ниже пояса, и в глазах у меня потемнело. Я с трудом сдерживалась, чтобы не врезать Дим Димычу по физиономии.

– Олег одобрил бы любой мой поступок. Он меня любил и доверял. А вы развели тут какие-то тайны и раздули из мухи слона. На мою простенькую просьбу предоставить мне данные об одной пациентке вы пытаетесь заморочить мне голову. И к чему это такая тяжелая артиллерийская подготовка? Вам есть что скрывать?

Дим Димыч стоял и смотрел на меня.

– Вообще-то, Вероника, данные о пациенте являются врачебной тайной, и я не обязан тебе предоставлять их. Так что извини, но здесь ты перегибаешь палку. Ради твоих фантазий я не стану идти против закона.

– Уже так? – холодно сказала я. – И о каком законе здесь идет речь? Может, это вы сделали что-то противозаконное и теперь пытаетесь спрятать концы в воду.

– Извини! Мне надо идти. Так что разговор закончен.

– И не надейся на это!

Я вышла в коридор и быстро направилась в приемную. Но Кротов меня опередил. Он связался с Танечкой по телефону, и она встретила меня во всеоружии. На ее лице было официально-непроницаемое выражение, а в глазах застыли арктические льдинки.

– Здравствуйте, Татьяна Александровна.

– Да, Вероника Сергеевна!

– У меня к вам один вопрос...

– Все вопросы к начальству, – прервала она меня.

– К Кротову?

– Да.

– Я только что от него.

– Тогда ничем не могу вам помочь.

– У меня дело на пять минут...

– Я не уполномочена решать такие вопросы.

– Какие такие? Я еще ничего не сказала вам, а вы уже говорите: такие. Кротов, что ли, дал инструкции? – разозлилась я.

Взгляд Танечки заметался.

– Я вообще ничего не могу говорить без разрешения руководства.

– Татьяна Александровна! Вам говорить ничего и не надо. Мне только нужно взять координаты одной пациентки. Канычкиной Ирины Николаевны. Все. И больше в стенах клиники вы меня не увидите.

– Это врачебная тайна!

– Все ясно! Кротов расстарался. – Я опустилась на диван. – Что ж! Придется действовать другими методами.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась секретарша.

– А это уже мое дело! – сказала я, поднимаясь с дивана. – Моя личная тайна. Возражения есть? Возражений нет.

Оставив ошеломленную Танечку в приемной, я поспешила домой.

Ярослав сидел за своим ноутбуком и просматривал какой-то материал.

– Ну что? – Этим вопросом он встретил меня в коридоре.

– Заколдованный круг! – зло бросила я. – Моя твоя не понимай. Делают из меня представителя северных народностей. Что Дим Димыч, что Танечка. Короче, – сказала я, снимая туфли и надевая на ноги мягкие тапки, – они вообще наотрез отказались предоставлять мне какую-либо информацию о Канычкиной. Дескать, врачебная тайна, и все. Сначала я сидела и разговаривала с Кротовым. Он стал вилять и предлагать прийти мне завтра. Понятное дело, собирался уничтожить журнал или стереть запись. А когда я стала настаивать на своем, – уперся, как осел, и заталдычил о врачебной тайне. Я рванула к Танечке. Но он успел ее предупредить, и она не поделилась со мной никакой информацией. Вот такие мои дела вкратце. Полная лажа!

– Ну не совсем полная.

– Утешаешь? – усмехнулась я.

– Ничуть! По крайней мере, мы теперь точно знаем, что здесь что-то не так. Иначе они бы сразу раскололись об этой Канычкиной. Чего им упираться, если все чисто? Сама посуди.

– Это понятно. Когда я упомянула ее фамилию, у Дим Димыча чуть челюсть не отвалилась и глаза из орбит не выкатились. Стал бы он так реагировать, если бы с Канычкиной было все в порядке. Но нам-то что от этого? Похоже, мы в

полном пролете.

– Есть еще один выход. Завтракать будешь? Я картошку пожарил.

– С утра я много не ем. Максимум бутерброд и кофе.

– Ты попробуй. Аппетит приходит во время еды.

Картошка действительно была пальчики оближешь. Закончив есть и отодвинув тарелку, я деловым тоном спросила Ярослава:

– О каком выходе ты говорил?

– Можно взять диск с московскими адресами и попробовать самостоятельно найти эту Канычкину. Тем более год рождения есть.

– Да, если только этот год – не липа. Как и адрес.

– Вяжемся в это дело и посмотрим, что выйдет.

Два дня мы обзванивали московских Канычкиных, коих в городе оказалось свыше тридцати штук. Ирины Николаевны, кстати, не было ни одной. Была Ирина Владимировна. Две тысячи пятого года рождения. Но вряд ли она была пациенткой клиники.

К концу второго дня мы поняли, что потерпели фиаско.

– Н-да! – выдохнул Ярослав после последнего звонка.

– Ты ожидал чего-то другого? – откликнулась я. – Мне с самого начала эта затея показалась бесперспективной. Просто я решила использовать все возможности. А вдруг?..

– Похоже, все – липа. И фамилия, и имя, и год рождения.

– Тогда мне предстоит заняться малоприятным делом.

Мягко намекнув Дим Димычу на возможность шантажа. Он меня припер к стенке, и мне не остается ничего другого.

– Страшная ты женщина! – присвистнул Ярослав. Мы сидели в гостиной на диване и раскладывали листочки с телефонами московских Канычкиных.

– Ага! Страшная – жуть. Но не всегда. А тогда, когда мне уже терять нечего.

– А если Дим Димыч не поддастся на твои... угрозы.

– Поддастся! Если бы ты его жену видел, этого вопроса у тебя бы просто не возникло. Он ее не просто боится, а просто трясется перед ней. Как будто бы она не женщина, а монстр какой-то. Поэтому если ему придется из двух зол выбирать меньшее, то он скорее пойдет мне навстречу и поделится информацией о той пациентке, которую записали под липовой фамилией, чем решится на семейный конфликт.

Ярослав покачал головой:

– Не скажи. Эта информация может быть для него опасна, и он ничем не станет делиться с тобой.

– Слушай! Зачем гадать на кофейной гуще? Завтра с утра пораньше позвоню Дим Димычу, встречу с ним, и тогда будет ясно, что он выберет.

Ярослав посмотрел на часы.

– Сейчас по спортивному каналу матч НБА начинается...

– Что?

– Ну я хотел бы посмотреть.

– А я спать хочу, – отрезала я. – Ну ладно, – сменила я гнев

на милость. – Только звук приглуши. И кричи не очень, если твои любимчики выигрывать начнут. А то меня разбудишь.

– Обещаю вести себя примерно, – улыбнулся Ярослав.

– Образцово-показательный мальчик, – съязвила я. И мне показалось, что при моих словах он немного смутился.

Утром я не слышала звонка будильника и проспала. Ярослав уже хозяйничал на кухне. Я вышла к нему в халате и накинулась, не успев поздороваться.

– Ты что, меня разбудить не мог? Мне же с утра надо с Дим Димычем переговорить.

– Я думал, ты сама встанешь.

– Думал! Я проспала... А сейчас можно не поймать его. Как пойдут всякие заседание-совещания и все...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.